

ляющие адресата как источник состояний автора речи. (Велосипеду. – Ах ты ж, радость моя, ну наконец-то починили. (5 л. 11 м.)).

Олицетворения в позиции обращения стимулируют в формирующейся языковой личности позитивное восприятие всего окружающего.

Л и т е р а т у р а :

1. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. – М., 1961. – 471 с.

2. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979. – 156 с.

Е. В. Шерстюкова

Функционирование имен собственных на парадигматическом и синтагматическом уровнях

Необходимость специального изучения онимической лексики возникает на определенном этапе развития лингвистических знаний как закономерная потребность в заполнении образовавшихся "пустот" в ономастическом пространстве. Термин "ономастическое пространство" был введен А. В. Суперанской в книге "Общая теория имени собственного" (1973). Под ономастическим пространством подразумевается сумма имен собственных, употребляющихся в языке данного народа для именованья реальных, гипотетических и фантастических объектов. (Теория и методика ономастических исследований, 1986, с. 9). Внутри ономастического пространства могут быть выделены ономастические поля. Ономастические поля тесно связаны между собой и зависят друг от друга таким образом, что, взятые отдельно, они часто оказываются непонятными, немотивированными. Имена, входящие в каждое поле, представляют собой систему или даже комплекс систем. Выделяются отдельные области, такие, как антропонимия, топонимия, зоонимия, фиктонимия (изучающая имена собственные, употребляющиеся в художественных произведениях), мифонимия (имена мифических персонажей) и т. д.

Классификации имен собственных свидетельствуют о том, что именуемые объекты воспринимаются как типовые, повторяющиеся, обладающие определенными характеристиками, которые выделяют их из мира вещей и объединяют в один класс. Внутри класса именуемые объекты характеризуются некоторыми индивидуальными признаками. Индивидуализация свидетельствует о том, что именуемый объект рассматривается не как представитель класса, а как единственный. (Ю. С. Степанов, Имена. Предикаты. Предложения, 1981, с. 15). Индивидуальность, индивидуальные особенности (признаки) формируются, таким образом (в отличие от имен нарицательных), в ономастическом пространстве в процессе его изменения, варьирования в определенном контексте, ситуации. Иногда для именованья персонажей в некоторых современных литературных произведениях, как, например, *die Ältre* и *die Jüngere* у Стефана Цвейга, используются имена нарицательные. Здесь имеет место переход этого имени нарицатель-

ного в имя собственное, т.е. процесс онимизации, которой предшествует индивидуализация.

Ономастическая номинация вторична, т.к. имя собственное дается объекту, уже входящему в определенный класс и имеющему свое нарицательное имя. Содержание слов вторичной номинации стихийно или преднамеренно изменено для нового назначения. В литературе реальные имена получают дополнительную информацию, а вымышленным дается новая жизнь. Искусственно созданные имена вводятся в уже существующие ономастические системы и постепенно начинают влиять на специфику системы, в которую эти имена входят. Этими именами собственными занимается поэтическая ономастика. В художественной литературе имеются свои средства, сигнализирующие о вторичном использовании имен собственных. Здесь происходит повышенная связь с понятием, например: Doktor Müller (Müll), Herr Kitsch (Kitsch), Herr Rotss (Rotz). О том, что данные слова должны восприниматься как онимы, сигнализирует контекст, употребление дополнительных слов таких, как: Frau, Herr, Doktor. Без сопровождения этих слов Kitsch переводится как халтура, безвкусица, Müll - как мусор. Лишь в сопровождении имен нарицательных мы воспринимаем их как индивидуальные имена, соотнося с конкретным лицом. И если часто процесс апеллятивизации связан с ситуацией, широким контекстом или осуществляется имплицитно, то употребление сопровождающих имен нарицательных сгущает контекст и может рассматриваться не только как один из возможных вспомогательных механизмов апеллятивизации, но как один из способов формирования апеллятивной семантики имен собственных. С другой стороны, имена нарицательные без соотнесения их с именами собственными воспринимаются лишь как класс предметов, обобщенных одинаковыми признаками без их индивидуализации.

Так как онимическая лексика относится к разряду специальной лексики, некоторые лингвисты говорили о ее периферийном употреблении, где число ее форм минимально. Об этом, в частности, говорили Е.Курилович (1956), а вслед за ним и А.А.Реформатский (1964). Они относят собственные имена (в том числе и терминологию) к маргинальной лексике.

Имена собственные могут рассматриваться также в плане их синтагматического употребления. Здесь исходным пунктом является природа предложения, где взаимодействуют его семантическая и синтаксическая структуры. Большое значение для рассмотрения этого явления играет референтная концепция значения предложения, которая определяет отношения между высказыванием и экстралингвистической ситуацией. Употребление имен собственных на логико-синтаксическом уровне предложения может быть проиллюстрировано следующими примерами: Der Pastor hat ihn Stanislaus abgetauft (именование); Es war Frau Schönler... eine kleine, dicke, nicht unvornehme Dame (характеристика); Der Mann war der Glasmacher Gustav Büdner (идентификация как тип экзистенциального предложения). В примерах, где происходит именование, для этой цели используется метаязык. Он дает нам сообщение об имени.

Богатый стилистический потенциал имени собственного формируется на основе стилистических фигур, которые образуются в процессе онимизации и апеллятивизации: *Stanislaus steht im Kalender* (метонимизация); *Und hier wohnt der Peter Wiese... der Wiese-Peter, ein richtiger Miesepeter, der Primus* (метафоризация, где имеет место игра слов); *Guten Abend Herr Kitsch!* (антономазия).

Таким образом диапазон варьирования имен собственных в контексте, ситуации очень широк. Мы можем наблюдать его как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровне, где происходят процессы онимизации и апеллятивизации имен собственных. При этом они наделяются дополнительной информацией, которая реализуется в контексте уже в другом качестве.

Е.А. Ширина

Портрет в структуре рассказа И.А. Бунина «Генрих»

Книгу «Темные аллеи» И.А. Бунин считал самым совершенным из всего, им написанного, а о рассказе «Генрих» оставил запись в дневнике: «Кажется, так удалось, что побегал в волнении по площадке перед домом, когда кончил» (2, 177). В числе важнейших достоинств и особенностей произведений цикла - лапидарность манеры, энциклопедизм исследования темы любви, изображение многообразных типов любящего человека. Рассказ «Генрих» интересен тем, что при небольшом объеме он содержит несколько рельефных образов и проясняет авторское отношение к любви.

Главный герой - Глебов - натура чувственная, поэтическая. Он говорит: «Люблю <...> вас, «жены человеческие, сеть прельщения человеком!» (1, 112). Во влечении к женщине он видит божественное и дьявольское, утверждает право писателя быть смелым в изображении любви. Признание Глебова объясняет наличие в рассказе четырех его любовниц: с одной он едет в поезде, о другой ей рассказывает, сцены прощания в гостинице с Надей и на вокзале с Ли нарисованы раньше. В создании образов главным приемом изображения является портрет. Он используется в традиционной для классической литературы функции, - соединяясь с речевой характеристикой, повествованием о поведении и оценкой других персонажей, «работает» на высвечивание личности, строя чувств.

О внешности поэта кратко сказано дважды: в начале рассказа и в конце, портретные детали говорят о противоположных состояниях души - беззаботности, самодовольстве перед отъездом и страдании при известии о гибели Генрих. В рассказе героя о цыганке Маше примечательно соединение непривлекательных черт с восхищением красотой танца. Поэтесса Надя умиляет Глебова свежестью шестнадцати лет, ее детские черты сочетаются с женской раскованностью в манерах и речи. В портрете Ли подчеркнута ее сходство со змеей: длинная, тонкая, в прямой черно-маслянистой шубе, с длинными черными бусками, злыми, «страшными в своем великолепии» (1, 109), глазами. Она признается в любви и угрожает, целует и кусает, обнимая, извивается. В разговоре о Ли между Глебовым и Еленой